

Библиография

1. *Фомин В.* Отар Иоселиани // Пересечение параллельных. М., 1976.
2. *Левченко Я.* Тенгиз Абуладзе: поэзия цвета и тоски. URL: <http://www.cinematheque.ru/post/138964/print/> (дата обращения: 03.05.2011).
3. *Кваснецкая М. Г.* Тенгиз Абуладзе. Путь к «Покаянию». М., 2009.
4. *Пишвела В.* Стихотворения и поэмы. Л., 1957.

И. Т. Цориева

В. И. АБАЕВ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ НАЧАЛА 1950-х гг.

Конец 1940-х — начало 1950-х гг. — один из самых сложных и драматичных периодов в истории многонациональной советской культуры. Это время, когда в системе отношений «власть–культура» последняя превратилась в испытанный за 1920–1930-е гг. действенный инструмент решения идеологических и политических задач режима. В результате в культурном развитии страны решающее значение было придано идейно-политическим факторам. Они оказали определяющее влияние, в том числе и на науку, в которой был инспирирован ряд дискуссий.

Одна из таких дискуссий состоялась в начале 1950-х гг. в советском языкознании. Ее итогом стало «развенчание» марризма, на протяжении более двух десятилетий считавшегося «единственно правильным учением о языке». Дискуссия болезненно прошла по судьбам ученых. Она драматично преломилась в биографии В. И. Абаева — известного в то время лингвиста-ираниста, теоретика языкознания, фольклориста и литературоведа, сохранившего в советский период преимущество в осетиноведении.

Василий Иванович Абаев, выпускник факультета общественных наук Ленинградского университета, стал первым среди осетин профессиональным лингвистом. Его становление как ученого пришлось на время утверждения в языкознании «нового учения» Н. Марра. Он был его учеником, и это обстоятельство, без сомнения, оказало сильное влияние на формирование его научных взглядов. Но молодой ученый не механически воспринял утвердившиеся научные представления. Заслуга его состояла в том, что, приняв ряд концептуальных положений Н. Марра, он творчески преломил их через призму сравнительного языкознания и создал стройную концепцию истории осетинского языка и народа.

Так, признание стадиального развития языка открывало перед В. И. Абаевым возможность решить важнейшую двуединую задачу — раскрыть закономерности формирования и развития языка и реконструировать на основе полученных знаний историю народа.

Теория субстрата, в советском языкознании впервые разработанная В. И. Абаевым применительно к изучению истории кавказских народов, подвела ученого к обоснованию идеи двуприродности осетинского языка и народа. Развивая идею Н. Марра об осетинском языке как смешанном (в противопоставление яфетическим языкам), он выделил два структурообразующих элемента: иранский и кавказский. Кавказский элемент в этом тандеме определялся как вторичный, хотя и самостоятельный структурный фактор [1, с. 11, 76].

Но все же В. И. Абаев не стал последовательным и убежденным марристом. Он отверг метод четырехэлементного анализа Марра, с помощью которого предлагалось осуществлять реконструкцию стадий единого процесса происхождения и развития языков. Вместо него он избрал в качестве главного способа научного исследования сравнительно-исторический метод. Такое «отступничество» ему, конечно, не прощали. Подобно многим компаративистам, которых на протяжении второй половины 1920–1940-х гг. критики огульно клеймили «буржуазными националистами», В. И. Абаев неоднократно становился объектом жесткой и необоснованной критики.

Итогом лингвистической дискуссии, как уже отмечалось, явился идеологический разгром марризма, отвергнутого как антимарксистское и идеалистическое учение. В советскую лингвистику возвращались классические представления сравнительно-исторического языкознания. На страницах газет, в учебных аудиториях и научных учреждениях полным ходом шла кампания «критики и самокритики» вчерашних приверженцев марризма.

В новых условиях заметно облегчилась работа компаративистов. Упрочились позиции и «индоевропеиста» В. И. Абаева. Подтверждением сказанному служат материалы заседания ученого совета Северо-Осетинского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики в июле 1950 г., посвященного обсуждению статей Сталина в газете «Правда» по вопросам языкознания и перестройке работы лингвистического отделения института в соответствии с новым курсом в языкознании. На заседании рефреном звучала мысль о том, что гонения на В. И. Абаева за его приверженность сравнительно-историческому методу закончились и необходимо заново переоценивать и использовать его работы в изучении истории осетинского языка и народа [2, л. 17].

В марте 1951 г. на страницах главной республиканской газеты — «Социалистической Осетии» — была опубликована статья, в которой В. И. Абаева называли крупнейшим исследователем осетинского языка. В заслугу ученому поставили то, за что критиковали прежде: верность сравнительно-историческому методу в изучении индоевропейских и кавказских языков и отказ от четырехэлементного анализа Н. Я. Марра [3].

Однако В. И. Абаева ждал неожиданный поворот в этой истории. В июне 1951 г. в газете «Правда» к годовщине публикации статей Сталина по вопросам языкознания был помещен ряд статей, подводивших итоги дискуссии и определявших первоочередные задачи советского языкознания. Суть их сводилась к «полному освобождению языкознания от ошибок Марра» [4]. Требование окончательного развенчания марризма подняло новую волну дискуссии, захлестнувшую осетиноведение. На этот раз главный удар пришелся по В. И. Абаеву.

На заседании бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б), состоявшемся в сентябре 1951 г., был рассмотрен вопрос «Об осве-

щении вопросов языкознания в республиканской печати». В принятом постановлении публикацию в газете «Социалистическая Осетия» статьи о В. И. Абаеве признали «серьезной ошибкой» и потребовали от редактора напечатать новую статью с подробным разбором и критикой «ошибок последователя и ученика Марра», который к тому же до сих пор не покаялся [5, л. 132].

Вскоре такая статья появилась. Ученому вменяли в вину «грубые методологические ошибки», выразившиеся в признании учения Марра о языке как надстройке, принятии и дальнейшей разработке теории стадиальности и теории двуприродности осетинского языка. Общим недостатком работ Абаева называлось его «чрезмерное» внимание к вопросам истории языка и исторической семантике [6]. Отметим, что именно в этот период ученый активно работал над главным трудом своей жизни — четырехтомным Историко-этимологическим словарем осетинского языка. О значимости этого уникального исследования можно судить уже по тому, что ничего подобного по десяткам остальных иранских языков не существует до сих пор.

Между тем напряжение в научном сообществе Северной Осетии достигло кульминации в середине декабря 1951 г., когда в газете «Правда» под рубрикой «Письмо в редакцию» за подписью трех авторов появилась статья «За творческую разработку проблем языкознания» [7]. Главным объектом нападков в ней оказался Абаев, причем градус критики значительно вырос. Его обвинили в создании «вульгаризаторских этимологических построений в духе Марра», в попытке «усовершенствовать» антинаучный марровский «палеонтологический анализ», в идеализации «феодалных мотивов» в нартовском эпосе, восхвалении старины и патриархальных обычаев и т.д.

Особое раздражение авторов статьи вызвало то обстоятельство, что Абаев ни разу публично не выразил своего отношения к лингвистической дискуссии и не раскаялся в «своих ошибках». За ним закрепился ярлык «неразоружившегося марриста».

Вскоре на базе Северо-Осетинского НИИ и педагогического института состоялась конференция по вопросам языкознания. Выступление заместителя директора Института языкознания АН СССР Б. А. Серебrenникова было целиком посвящено раскры-

тию «ошибок убежденного марриста» Абаева, который не просто излагал в своих работах, по мнению выступавшего, «порочные положения Н. Марра», но пытался «оригинально развивать их» [8]. В контексте тогдашних политических процессов эти обвинения были чреваты предсказуемо неблагоприятными последствиями. Однако ученый, казалось, спокойно переносил все нападки, по-прежнему хранил молчание и продолжал работать.

Безусловно, такая позиция потребовала огромного гражданского мужества. Что помогло В. Абаеву выдержать жесткое давление со стороны научных и околонаучных оппонентов и не подчиниться настойчивым призывам покаяться и перестроиться? Бесспорно, убежденность в правоте своей научной концепции и сознание справедливости выбранной гражданской позиции. Ученый остался верен выстраданному нравственному кредо. Даже в период самых жестких гонений на марристов, несмотря на существование разногласий по многим методологическим вопросам, он не отрекся от своего учителя и товарищей, с которыми начинал трудный и долгий путь в науку.

Тем самым он преподавал современникам и последователям в науке урок высокой нравственности и мужества ученого-гражданина, который выстоял в момент тяжелого выбора благодаря внутренней духовной силе и свободе, сохранил верность научным и нравственным идеалам и вопреки всему избежал ритуального покаяния, подтвердив тем самым, что мысль победить нельзя.

Библиография

1. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949.
2. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия — Алания. Ф. 126. Оп. 2. Д. 395.
3. Социалистическая Осетия. 1951. 13 марта.
4. Правда. 1951. 20 июня.
5. Центральный государственный архив историко-партийной документации РСО — А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 535.
6. Социалистическая Осетия. 1951. 26 сент.
7. Правда. 1951. 11 дек.
8. Социалистическая Осетия. 1951. 30 дек.